

туре воплотилась не просто в петербургской теме; она привела к появлению феномена совсем особого рода — «Петербургского текста» русской литературы. Введший данное понятие В. Н. Топоров определяет «Петербургский текст» как совокупность словесных текстов разного уровня, которые благодаря своей смысловой и даже духовной близости сопрягаются между собой как на парадигматическом, так и на синтагматическом уровне, в результате чего и возникает глобальный текст — «Петербургский текст русской литературы».¹⁰ Он чрезвычайно сложен и ускользает от исчерпывающих характеристик, что не удивительно, — будучи, с точки зрения В. Н. Топорова, явлением, отчетливо соотнесенным с духовным бытием человека, он не поддается выражению в чисто логических категориях. Пожалуй, наиболее важным для «Петербургского текста» оказывается принципиальная внутренняя противоречивость, предполагающая могучее притяжение друг к другу полярных начал. Он включает в себя зло, ощущение приближающейся гибели, связанные с Городом Святого Петра, и — с другой стороны — таящиеся в нем прорыв к будущему, обретение надежды на спасение и мучительно-затрудненное движение к осуществлению этой надежды. «В Петербургском тексте русской литературы, — воспользуемся словами В. Н. Топорова, — отражена квинтэссенция жизни в „лиминальном” состоянии, на краю, над бездной, на грани смерти, и намечаются пути ко спасению».¹¹

Причины появления такого диалектически противоречивого гипертекста понять крайне трудно, а точно и исчерпывающе назвать их вряд ли и возможно. И все же в качестве одного из таких главных оснований, на которых вырастает «Петербургский текст», назову мифологему Империи, определившую чрезвычайно многое в нашей культуре и придававшую ей отчетливо имперский (а не узконациональный) характер.¹²

Существуя не в политической реальности, но в идеальном от нее отвлечении, мифологема Империи представляет не то, чем в действительности оборачивается империя, а то, как она задумана, как рисуется — в виде некоего идеала — человеческому сознанию. Пользуясь категориями платоновской философии, можно сказать, что мифологема Империи относится к реальной империи как идея к земной жизни. С ее точки зрения, Империя — не просто государство, это Богом данная земная власть, в связи с чем

¹⁰ Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. (Введение в тему) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1995. С. 259—367.

¹¹ Там же. С. 319.

¹² Об имперском характере русской культуры см., в частности: Бухаркин П. Е. 1) Образ «другого» в русской культуре и мифологема империи // Вече: Альманах русской философии и культуры. СПб., 1995. Вып. 4. С. 5—19; 2) Православная церковь и русская литература в XVIII—XIX веках: Проблема культурного диалога. СПб., 1996. С. 151—164.